

Ольга Погодина-Кузмина

Ценность своего существования

Мир закрыт на карантин, да такого масштаба, что предсказать не удалось ни одному фантасту. Но вот передо мной книга, где почти каждая страница — удивительное попадание в сиюминутность. «Ода радости», задуманная и написанная по крайней мере за два года до нынешней вирусной катастрофы, заявляет почти все темы, которыми сейчас живет общество пандемии¹.

Тут и сложности выстраивания отношений в изоляции наедине с близкими, и проблемы отечественной медицины, и об руку идущие болезнь и смерть, и «черная Пасха», когда радость праздника мешается с личным горем и надежда проступает сквозь отчаяние. Есть даже глава «Коронная маечка» — о другом, случайном, но будто о сегодняшнем.

Трудно сказать, как отразится на судьбе книги этот ряд созвучий. Узнает ли читатель (а скорее читательница) в обыденной истории себя, захочет ли примерить и присвоить поток переживаний героини, которая в течение одного года родила ребенка-первенца и потеряла мать? Или, напротив, переизбыток мрачных тем в информационном поле оттолкнет потенциально родственную душу и забрать с книжной полки чужую боль и смерть никто не решится? У меня нет ответа на этот вопрос. Что можно сказать однозначно — у Валерии Пустовой, известной в литературном мире как критик и участник знаковых книжных событий, получилось претворить почти документальную историю в художественный текст, местами поэтичный, местами захватывающий, направленный прямо в сердце.

Валерия Пустовая. Ода радости. — М.: Эксмо, 2019.

¹ Журнальный вариант «Оды радости» был опубликован в «ДН» (2018, № 11).

Сделать из своей обыденной жизни литературу гораздо сложнее, чем многим кажется. Тут нужны особая наблюдательность — «в подзамочную, сверкающую неприкосновенностью лабораторию, тронул, щелкнул и запустил первый опыт по сортировке пестрых житейских фасолинок» — и умение подняться от частного к обобщению, и достоверный, доверительный тон.

Скрупулезное документирование авторской героиней собственной беды заставляет вспомнить нашумевший роман Анны Старобинец «Посмотри на него», где рассказывалось о драматической стороне материнства. В книге Старобинец героиня узнавала, что вынашивает ребенка с несовместимой с жизнью патологией, и начинает бороться за него, обратив свой внутренний гнев на российских врачей и всё устройство отечественной медицинской системы, которая оказалась не готова поддержать женщину в такой непростой ситуации.

Рак — тема невеселая и, отчасти следуя нарративу Старобинец, автор «Оды радости» довольно подробно описывает организационную сторону вопроса, взаимодействие с врачами и медицинскими учреждениями. Но Пустовая, по счастью, избегает открытого обличения нашего социального устройства и обвинения конкретных должностных лиц — вполне уместных в публицистике, в блогах или в жанре общественной петиции, но в художественном произведении однозначно тенденциозных. Героиня «Оды радости» симпатична уже тем, что старается принять реальность такой, какая она есть, сложной и противоречивой. Наряду с равнодушными и нерадивыми врачами в ее истории появляются и сердечные, готовые оказать помощь,

следующие долгу милосердия, а не только должностной инструкции, пронзительным и поэтичным становится у нее абсурд самой жизни.

«Мама съездила на кладбище заказать памятник покойному брату. Памятники дороги, на них надо еще подкопить, хотя она в итоге выбрала экономный вариант за 50 тысяч.

В окошке заказа ей предложили сэкономить больше и выгравировать заодно с братовой фотографией — ее собственную. Как удобно: один памятник уже установят, а на нем засечки на будущее...

Мама говорит: "Я стою и думаю..." Я: "Ты еще думала?!" В общем, не стоит, конечно, так далеко загадывать».

«Ода радости» под завязку наполнена бытовыми подробностями. Поездка к бабушке в бывшую советскую республику, в панельный дом, где срезаны батареи, потому что дорого платить за отопление. Разговоры по душам. Последний час, проведенный с матерью. Первый день рождения сына и первый торт. Это книга целиком о чувствах, о тонких переливах переживаний, но ее героиня отнюдь не сентиментальная размазня. Молодая женщина умеет держать удар так, как и предназначено дочери и матери, — стойко, трезво, не перекладывая на других собственную ношу. В книге совсем мало слез и женских истерик, зато много другой, важнейшей материи — любви.

«Мы умели праздновать, веселиться после бури, отмечать удачу после риска, мечтать о вкусном и перебирать нарядное. Мы умели посмеяться — и никогда не плакали.

Вместе — нет, не плакали, не умели вместе, слезы нас разлучали, и каждая злилась, если другой плохо, потому что каждой хотелось, чтобы другой было хорошо».

Пожалуй, в этом состоит главная ценность «Оды радости» — подспудная, но неотступная работа автора над уловлением в сеть художественного текста вещества любви. Это честный труд, вроде домашней уборки, когда нужно разобрать свой угол мироздания — чтобы ход времени не нарушался, не застревал на прошлых горестях и обидах, а напротив, открывал путь новой энергии бытия. Поэтому,

кажется, так подробно героиня и очищает-систематизирует отношения с матерью, которые всегда непросты; и объясняет свой выбор мужчины, который становится отцом ее ребенка; и документирует приход в мир нового человека, его дальнейшее становление самим собой.

Еще одна примета, сближающая книгу с реалиями карантинного времени, — жизнь профессиональная, которая для автора связана с литературой, в какой-то момент уходит на дальний план, становится малосущественной в сравнении с личными тревогами. Но вместе с тем Пустовая постоянно повергает свои чувства и мысли главным своим философским камертоном — кругом чтения.

«Классику пищут, чтобы по ней жить. И я определилась со школы: между Безуховым и Болконским я выбираю того, кто помягче. Побольше, потолще, посмешней. Кого никому не надо, а он будет ждать, и единственно почему не женится вот сейчас на ней, тоже на этом этапе романа всеми отвергнутой, — так только от сознания, что он еще пока не «красивейший, умнейший и лучший человек в мире».

«Евгений Онегин» и «Гуси-лебеди», «Остров сокровищ» и «Хроники Нарнии» перемежаются с книгами современных писателей. Торжественно обставлена инициация нового читателя. Покупка первых книг для малыша — как начало постройки моста через бездну жизни и смерти, языка и культуры, крови и рода.

«Чтобы вылупиться, придется принять ценность своего существования. Чтобы улететь, придется согласиться на ценность своего одиночества».

Отчасти поэтическая, отчасти документальная исповедь «Ода радости» — из тех книг, что бывают даже важнее для самого автора, чем для стороннего читателя, в этом ее честность и простота. Эту книгу нужно было написать, чтобы собрать осколки разрушенного мира, а затем бережно, по фрагменту, восстановить мир заново — сначала на бумаге, а затем и в реальной жизни. Решать ту же задачу в ближайшие годы предстоит всем нам.